

Глава 32. Поиск души

Подаренные Чу Вэем часы стали для Хуа Жуна самой ценной вещью. Целая коллекция других часов, хранившаяся в гардеробной, была безжалостно отправлена в ссылку и предана забвению.

На следующее утро Сян Цин уже стояла у дверей, ожидая, когда они проснутся.

Прошло немало времени, но никто так и не появился.

Она нетерпеливо подозвала дворецкого.

— Который час? Ваш господин ещё не встал? Солнце уже высоко!

Дворецкий выпрямился и с вежливой улыбкой ответил:

— Госпожа Сян, мой господин давно проснулся. Его сейчас нет дома.

Лицо Сян Цин вытянулось.

— И вы не могли сказать раньше? Я что, зря здесь полдня прождала?

— Вы ведь не спрашивали, — невозмутимо улыбнулся дворецкий.

Сян Цин поняла: каков хозяин, таков и слуга. Обоих хотелось придушить. По сравнению с ними даже мальчишка Чу Вэй казался куда приятнее.

Она приехала слишком рано, совершенно забыв, что в это время Хуа Жун обычно тренируется.

Делать было нечего, и Сян Цин устроилась в гостиной, листая ленту новостей в телефоне. Дворецкий тут же любезно подал ей чашку горячего чая.

Спустя полчаса они наконец появились.

Оба в одинаковых белых спортивных костюмах, оба невероятно красивые — они выглядели так, словно сошли с картины.

Очарованная этим зрелищем, Сян Цин на мгновение забыла, зачем пришла.

— Ну и копуши вы оба! Я вас уже целую вечность жду.

Сян Цин последние два дня жила у подруги, не решаясь вернуться домой. Как только она получила сообщение о возвращении Хуа Жуна, тут же примчалась.

— Он ещё не вернулся, к чему такая спешка? — Хуа Жун приподнял бровь. Подаренные часы поддерживали его в прекрасном настроении, и казалось, ничто не могло его испортить.

Чу Вэй взглянул на часы и мягко произнёс:

— Сестра, подождите ещё немного. Я приму душ, и потом вместе позавтракаем.

Сян Цин усмехнулась, глядя на Хуа Жуна:

— А мальчик-то твой куда вежливее тебя. Где ты только откопал такое сокровище? Смотри, не испорти его.

Хуа Жун бросил на неё холодный взгляд.

— Даже если и испорчу, он всё равно будет лучше тебя.

Сян Цин поджала губы, решив его игнорировать. С ним было бесполезно спорить.

После завтрака они втроем собрались в гостиной, чтобы обсудить ситуацию.

На Сян Цин было наложено «Проклятие любовника». Личность того, кто это сделал, была известна, но проблема заключалась не только в нём, но и в зловещей энергии, окутывавшей талисман.

Эта энергия исходила от крови, которой вскармливалось проклятие.

Поэтому первым делом нужно было поймать виновника и выяснить происхождение проклятия.

На первый взгляд задача казалась несложной, но Чу Вэй хотел сначала узнать о нём побольше. Ведь этот человек следил за Сян Цин как минимум три месяца.

— Сестра, где вы с ним познакомились? Что он за человек? Было ли в его поведении что-то странное или необычное?

Чу Вэй сидел на диване, прямой, как струна, и держал в руках стакан с водой. Он выглядел очень послушным и воспитанным.

Сян Цин замялась. Некоторые подробности были не для ушей несовершеннолетних. Ей было неловко об этом говорить.

Чу Вэй, заметив её смущение, тактично спросил:

— Вам неудобно об этом рассказывать?

Сян Цин: «...»

В присутствии ребёнка всё было неудобно.

Но сейчас главным было решить проблему.

Она глубоко вздохнула и начала свой рассказ.

— Его зовут Цзи Хан, ему двадцать лет. Я познакомилась с ним в баре.

Хуа Жун насмешливо посмотрел на неё. Сян Цин не выдержала.

— Что? Старым хрычам вроде тебя можно заводить себе молоденьких, а мне, женщине в самом соку, нельзя полакомиться свежим мясом?

Чу Вэй не понимал, отчего между ними такое напряжение, и молча наблюдал за перепалкой. Но рассказ Сян Цин открыл для него новый, неведомый мир.

Цзи Хан был певцом в баре. Двадцатилетний, с привлекательной внешностью и приятным голосом, он выступал в баре «0 градусов» в столице.

«0 градусов», хоть и назывался баром, был элитным заведением с высокими ценами. Посетители там были сплошь состоятельные люди, и обстановка, по сравнению с обычными барами, была куда более приличной и менее хаотичной. Хотя, конечно, в часы пик и там бывало шумно.

Сян Цин чаще всего бывала именно в этом баре.

В тот день она только что рассталась с очередным молодым любовником, с которым встречалась всего два дня. От скуки она, как обычно, пошла в бар выпить.

Сян Цин пила много, и бармен, хорошо её зная, всегда рекомендовал ей новинки. В тот вечер коктейль оказался особенно крепким. Она уже была навеселе, когда услышала пение Цзи Хана.

Двадцатилетний юноша, с чистым голосом и бархатным тембром, тут же покорила её сердце.

Покачиваясь, она подошла с бокалом к сцене и с первого взгляда была очарована его красивым лицом.

Сян Цин всегда была смелой и решительной. Следуя принципу «увидела — бери», она начала с ним флиртовать.

Цзи Хан сначала смущался и краснел, что показалось Сян Цин ещё более очаровательным. Но устоять перед её напором он не смог.

Так, слово за слово, и в ту же ночь они оказались в отеле.

На следующий день Сян Цин, словно под гипнозом, привела его к себе домой, где он и остался на ночь.

Сян Цин старалась говорить иносказательно, но Чу Вэй всё прекрасно понял.

И впервые в жизни он с удивлением осознал, что, оказывается, достаточно просто понравиться друг другу, чтобы... такое произошло?

Он даже погрузился в глубокие размышления.

Сидевший рядом Хуа Жун легонько стукнул его по голове.

— Таких, как она, — уникалов, — по всему миру не сыщешь. Не бери в голову.

— Ох, — выдохнул Чу Вэй, и даже его уши слегка покраснели.

Сян Цин, наблюдая за ним, хмыкнула:

— Малыш, а ты выглядишь куда соблазнительнее его.

Хуа Жун бросил на неё предупреждающий взгляд:

— К делу.

— Скучный, — махнула рукой Сян Цин. — Жизнь так коротка, моргнуть не успеешь, как состаришься. А ещё всякие несчастные случаи, из-за которых и завтрашнего дня можно не увидеть. Почему бы не наслаждаться моментом? Тебе, старой развалине, не понять нашей радости.

Чу Вэй, опасаясь новой ссоры, вклинился в разговор:

— То есть, проклятие наложили на вас ещё в ту ночь в отеле?

При упоминании об этом лицо Сян Цин помрачнело. Она потёрла нос и кивнула.

— Похоже на то.

— А что он за человек? Какой у него характер? — спросил Чу Вэй.

Сян Цин задумалась.

— Как щенок. Очень ласковый, постоянно называет меня «сестричка», «милая». Невероятно заботливый и внимательный, всё продумывает до мелочей, не заставляет ни о чём беспокоиться. Хоть и молодой, но очень чуткий.

Возможно, из-за действия проклятия, говоря о нём, Сян Цин улыбалась, словно рассказывала о возлюбленном.

Закончив, она вдруг опомнилась и, потеряв руки, спросила:

— Это сейчас я сказала?

— А его семья? — продолжил допрос Чу Вэй. — Если он наложил на вас проклятие, то должна быть причина. Либо личная, либо ради денег.

Сян Цин махнула рукой:

— Об этом я не знаю. Мы были знакомы всего несколько дней. Но когда мы ходили ужинать, платил всегда он. Не похож на бедного. К тому же, в «0 градусов» хорошо платят, да и чаевые оставляют. Не думаю, что он нуждался в деньгах.

В этот момент телефон Сян Цин пиликнул.

Она взглянула на экран и тут же выпрямилась.

— Он вернулся. Через полчаса будет у меня.

Чу Вэй оставался спокоен. Раз уж он взял деньги, дело нужно довести до конца.

Тем более что деньги он уже потратил.

— Сестра, не волнуйтесь, — серьёзно проинструктировал он. — Ведите себя как обычно. Мне нужно будет понаблюдать за ним. Если проклятие действительно на нём, на его теле должен быть знак.

Сян Цин всё ещё нервничала. Пока она не знала правды, он казался ей милым щеночком. Теперь же он представлялся ей демоном в овечьей шкуре, отчего по спине пробежал холодок.

Чу Вэй, подбодрив и успокоив её, дал ей куклу, на спине которой был нарисован талисман, и велел взять с собой. Глаза куклы передавали всё, что видели, прямо ему.

Когда Сян Цин ушла, Чу Вэй вернулся в свою комнату и начал что-то мастерить. Хуа Жун стоял в дверях, наблюдая за его сосредоточенной работой, и бессознательно покручивал часы на руке.

— Что ты делаешь?

Чу Вэй отложил кисть и подул на свеженарисованный талисман.

— Готовлю побольше талисманов. На случай, если у него есть и другие трюки в запасе. Нужно быть готовым ко всему. Раз уж взял деньги, нужно отвечать за результат.

При мысли о том, на что пошли эти деньги, Хуа Жун снова посмотрел на свои часы, и его раздражение на Сян Цин улеглось.

Пока они разговаривали, Чу Вэй вдруг замер.

— Пришёл, — тихо сказал он.

Если бы кто-то присмотрелся, то заметил бы, что его левый глаз стал темнее, и в нём отразалась вовсе не комната, а обстановка в доме Сян Цин.

Когда раздался звонок в дверь, Сян Цин глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

«Он пока не причинит мне вреда, я ему ещё нужна», — убеждала она себя.

С улыбкой она открыла дверь. Первое, что она увидела, был не человек, а огромный букет алых роз.

Цзи Хан, смущённо улыбаясь, вошёл внутрь.

— Нравятся цветы? Это тебе.

Двадцатилетний юноша с таким красивым лицом... кто бы мог устоять перед таким искушением?

Сян Цин поняла, что ей даже не нужно притворяться. При виде Цзи Хана у неё подкосились ноги, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Она бессознательно взяла букет, вдохнула аромат и улыбнулась:

— Нравятся. И цветы нравятся, и ты.

Цзи Хан провёл её в дом. Розы были отброшены в сторону, и они слились в страстном поцелуе.

Чу Вэй, внезапно ставший свидетелем этой откровенной сцены, густо покраснел и рефлекторно зажмурил левый глаз.

Это было слишком...

Хуа Жун, видя реакцию мальчика, всё понял без слов.

«Какая грешница!»

Сян Цин, одурманенная проклятием, не могла контролировать себя. Увидев Цзи Хана, она потеряла голову. А тот, в свою очередь, и не думал отказываться от столь пылкого приёма.

Говорят, разлука лишь усиливает чувства. Нетрудно было догадаться, что сейчас происходило в доме.

Сердце Чу Вэя бешено колотилось, а промелькнувшая перед глазами картина никак не хотела исчезать из памяти.

Но ему нужно было наблюдать за Цзи Ханом, чтобы понять, где находится печать проклятия.

Какая неловкая ситуация.

Пока Чу Вэй размышлял, продолжать ли наблюдение, чья-то рука легла ему на глаза.

Прикосновение к векам прервало его связь с куклой.

— Не смотри, — тихо сказал Хуа Жун. — Собирай свои вещи, мы идём туда.

Чу Вэй снова открыл глаза, но уже ничего не видел. Зато он отчётливо ощущал травянистый аромат, исходивший от Хуа Жуна.

— Идти прямо сейчас... это удобно?

Чу Вэй боялся, что они застанут их за чем-нибудь неприличным.

Хуа Жун обнял его за плечи и повёл к выходу.

— Пойдём. Сейчас самое время.

Если так пойдёт дальше, ребёнок совсем испортится.

Чу Вэй потёр покрасневшие уши и последовал за Хуа Жуном.

Дом Сян Цин находился на середине склона горы. Путь от вершины занял некоторое время, но они двигались быстро. И как раз в тот момент, когда парочка переместилась на диван, раздался настойчивый звонок в дверь.

Сян Цин хотела было встать и открыть, но Цзи Хан удержал её.

— Не обращай внимания, — прошептал он ей на ухо. — Я так по тебе соскучился.

Она, и без того слабая перед мужскими чарами, под действием проклятия была совершенно безвольна. Его слова стали для неё последней каплей.

Сян Цин перестала сопротивляться.

Её сознание кричало, что так нельзя, но тело отказывалось подчиняться.

— Сестра Сян, я принёс пирожные, хотите попробовать?

Голос Чу Вэя, прозвучавший из-за двери, был отчётливо слышен, несмотря на толстые стены.

Он прозвучал как удар грома, мгновенно вернув Сян Цин к реальности.

Она оттолкнула Цзи Хана, поправила одежду и, не оглядываясь, бросилась к двери.

Цзи Хан проводил её взглядом, вытер с губ помаду, и в его глазах промелькнула тень.

Впрочем, это выражение тут же исчезло. Он, даже не поправив одежду, пошёл за ней.

Когда дверь открылась, взгляд Цзи Хана упал на лицо Чу Вэя. Этот типаж был точь-в-точь в вкусе Сян Цин.

Он не смог сдержать своего раздражения и выпалил:

— Кто это?

Чу Вэй поднял голову и встретился с ним взглядом.

Всё тело Цзи Хана было окутано тёмной аурой.

От него исходил запах крови, настолько сильный, что его можно было почувствовать даже на расстоянии.

Это могло означать только одно: его руки недавно были в крови. В большом количестве крови.

Сомнений не оставалось. Проклятие любовника было делом его рук, и он сам его создал.

Чу Вэй никогда не считал себя борцом за справедливость, но учитель говорил ему, что с некоторыми людьми нужно быть жёстким и не сдерживаться.

Он передал Сян Цин коробку с пирожными и, в тот момент, когда она её взяла, исчез с порога. Талисманы, вылетевшие из его пальцев, мгновенно образовали простую формацию, заключив

Цзи Хана в ловушку.

Сян Цин тут же спряталась за спиной Хуа Жуна.

Проклятие всё ещё действовало на неё. Несмотря на страх, она не могла не беспокоиться о Цзи Хане.

«Чёртово проклятие!»

Чтобы не видеть происходящего, она закрыла глаза, заткнула уши и села на корточки у клумбы перед домом.

Цзи Хан, видя всё это, сразу понял, что его разоблачили.

Проклятие, наложенное на Сян Цин, раскрылось.

Хуа Жун вошёл в дом и закрыл за собой дверь.

— Где те, кого ты убил? — сурово спросил Чу Вэй.

Одежда Цзи Хана задралась во время недавних объятий, обнажив талию. На ней виднелся странный узор, похожий на татуировку.

Не успел Чу Вэй его рассмотреть, как Цзи Хан опустил одежду, скрыв рисунок.

Застенчивый юноша исчез, уступив место своей истинной, зловещей сущности. Он скривил губы в усмешке.

— Так это вы те, кого она позвала, чтобы поймать меня? Значит, меня раскрыли. Какая жалость.

Цзи Хан, запертый во временной формации из талисманов, казалось, совсем не волновался. Он вёл себя расслабленно, словно не принимая эту ловушку всерьёз.

Чу Вэй почувствовал неладное, но не мог понять, в чём дело.

Цзи Хан явно не собирался сотрудничать. Но это было неважно. Как только Чу Вэй его схватит, у него найдутся способы выяснить местонахождение жертв.

Видя его упрямство, Чу Вэй перестал тратить слова и начал сворачивать формацию. Он не был

силён в заклѣтиях и предпочитал открытый бой.

Но в тот момент, когда он начал действовать, Цзи Хан преобразился. Его худошавая фигура начала раздуваться, окружавшая его тёмная энергия резко усилилась, а красивое лицо исказила гримаса ярости.

— Ха-ха-ха! И ты думал меня этим удержать?

С этими словами он, прорвав барьер, нанёс удар кулаком в сторону Чу Вэй.

Чу Вэй нахмурился. Он оттолкнул стоявшего рядом Хуа Жуна, а сам отпрыгнул в другую сторону.

Хуа Жун, глядя на юношу, медленно опустил поднятую было руку и отступил в тень.

«Просчитался. Мало денег взял».

Огромный кулак не достиг цели, но с грохотом врезался в металлическую входную дверь.

Прочная дверь прогнулась, а вещи на полке в прихожей от ударной волны посыпались на пол, разбиваясь вдребезги.

Чу Вэй понял, что недооценил противника.

Он быстро огляделся и заметил на стене декоративный бамбуковый зонт.

Оттолкнувшись от журнального столика, он взмыл в воздух и, пролетев через всю комнату, схватил зонт.

Лёгким движением руки он сломал его. Бумажная часть отлетела, оставив в его руках лишь бамбуковую трость.

Цзи Хан, не попав с первого раза, тут же развернулся и снова бросился в атаку.

Чем опаснее была ситуация, тем спокойнее становился Чу Вэй. Используя трость как меч, он ринулся навстречу.

Столкновение тёмной и духовной энергии породило мощную ударную волну, которая смела всё вокруг.

Сян Цин, стоявшая снаружи, слышала грохот и в панике достала телефон. Она не думала, что всё настолько серьёзно, и боялась, что Чу Вэй один не справится.

Похоже, оставалось только звонить в полицию.

В доме царил хаос. Вся мебель и предметы декора превратились в обломки.

Но бамбуковая трость в руках Чу Вэя оставалась целой.

В этот момент он был благодарен учителю за изнурительные тренировки.

Цзи Хан тоже был удивлён. Он не ожидал, что противник окажется таким крепким орешком и выдержит его удар без единой царапины.

Чу Вэй скривил губы. Его прекрасное лицо стало холодным и суровым, а во взгляде читалось отвращение.

— Мог бы жить как человек, но выбрал путь культиватора призраков. Сегодня я, во имя всех невинно убиенных тобой, отправлю тебя в небытие.

— Посмотрим, хватит ли у тебя силёнок, — хмыкнул Цзи Хан.

Тёмная энергия вокруг него снова сгустилась, и в комнате повеяло могильным холодом.

Он раскрыл ладонь, и в ней появился небольшой сосуд. От него исходила ещё более плотная тёмная энергия, чем от самого Цзи Хана.

С дьявольской ухмылкой Цзи Хан подбросил сосуд в воздух.

В тот же миг комната погрузилась во тьму. Из сосуда вырвались бесчисленные призраки.

С разинутыми окровавленными ртами они бросились на Чу Вэя.

Оказалось, Цзи Хан использовал призраков в своих целях.

Это было безумием. Управление призраками сокращает жизнь, и чем больше их, тем быстрее наступает смерть.

Его действия были равносильны самоубийству.

Чу Вэй отбросил трость и, зажав между пальцами стопку талисманов, метнул их вперёд.

Талисманы, сталкиваясь с призраками, вспыхивали искрами. Комната озарялась вспышками света, словно во время грозы.

Сян Цин, стоявшая снаружи, в ужасе смотрела на светопредставление в окнах.

— Чёрт, я что, в другой мир попала?

Талисманы были лучшим оружием против призраков, но тварей, которых держал Цзи Хан, было слишком много. Он неизвестно где их набрал, и все они были невероятно сильны. Одного талисмана не хватало, чтобы уничтожить даже одного призрака.

Сосредоточенный на битве, Чу Вэй не заметил, как Хуа Жун, вышедший из тени, бесшумно поднял брошенную им бамбуковую трость.

Не заметил этого и Цзи Хан, управлявший призраками. Хуа Жун незаметно приблизился к ним.

Чу Вэй, развернувшись, оттолкнулся от лестницы на второй этаж и метнул ещё один талисман.

Приземляясь, он не заметил, как один из призраков подкрался сзади и уже готов был вцепиться в него.

Внезапно белая тень возникла за его спиной. Хуа Жун одной рукой обнял его за талию, а другой, в которой была бамбуковая трость, указал вперёд.

— Чтобы убивать призраков, не обязательно использовать талисманы, — тихо сказал он. — Если в руке есть меч, а в мече — дух, убить можно что угодно. Смотри внимательно.

Чу Вэй на мгновение замер. Ему показалось, что он видит перед собой своего учителя.

Бамбуковая трость в руках Хуа Жуна засияла так ярко, словно была не из бамбука, а из чистого света.

Чу Вэй, не отрываясь, следил за его движениями. Куда бы ни указывало острие этого импровизированного меча, призраки рассеивались. Их вопли разрывали тишину.

За несколько вдохов все призраки были повержены.

Чу Вэй смотрел на него, как замороженный.

Цзи Хан, управлявший призраками, от отдачи удара отлетел к стене и с грохотом врезался в неё. На стене появилась глубокая трещина.

Тёмная энергия в доме рассеялась, и даже температура, казалось, поднялась.

Чу Вэй смотрел не на поверженного врага, а на Хуа Жуна.

— Ты только что...

Хуа Жун, склонив голову, улыбнулся.

— Что? Впечатляет, правда?

— Просто невероятно, — выдохнул Чу Вэй.

Цзи Хан был серьёзно ранен. Он харкал кровью и, лёжа на полу, не мог пошевелиться.

В этот момент снаружи раздался вой полицейских сирен. Чу Вэй подошёл к Цзи Хану.

Тот и представить не мог, что самым сильным окажется не этот юноша, а тот, кто выглядел больным и слабым.

Особенно когда тот смотрел на него. Этот взгляд вызывал первобытный ужас, от которого хотелось умереть на месте.

Этот страх шёл из глубины души и парализовывал волю.

— Говори, где те, кого ты убил, чтобы вскормить своё проклятие?

Задачей Чу Вэя было снять проклятие с Сян Цин. Остальное его не касалось.

Цзи Хан рассмеялся, и кровь потекла по его подбородку.

— Хотите снять с неё проклятие? Мечтайте! Если я умру, она тоже не выживет, ха-ха-ха!

Даже в таком состоянии он не собирался сдаваться.

Сирены звучали всё ближе, казалось, они уже у самых дверей.

Чу Вэй усмехнулся, и в его улыбке промелькнуло что-то зловещее.

— Думаешь, если ты не скажешь, я не смогу узнать?

Цзи Хана охватило дурное предчувствие. Он, отталкиваясь от обломков, попятился назад.

— Что ты собираешься делать?

— Ты знаешь, что такое поиск души? — приблизившись, спросил Чу Вэй.

Поиск души не считался праведной техникой. Тот, на ком её применяли, испытывал муки, сравнимые с разрыванием души на части. Процесс был невыносимо болезненным. В древних текстах говорилось, что некоторые не выдерживали и кончали с собой.

Цзи Хан был культиватором призраков, он шёл неправедным путём, но о поиске души, конечно же, слышал.

Услышав это, он выпучил глаза, не веря, что этот юноша, выглядящий как бессмертный, владеет такой техникой.

Чу Вэй не стал дожидаться его ответа. Он положил руку на голову Цзи Хана и закрыл глаза.

Когда полиция ворвалась в дом, они увидели разгромленную комнату и лежащего без сознания Цзи Хана.

А ещё — Чу Вэя, который, казалось, был тяжело ранен и лежал в объятиях Хуа Жуна, закрыв глаза.

Сян Цин, выглянув из-за двери, тут же подбежала к ним.

— Что с ним? Он ранен?

Хуа Жун бросил мрачный взгляд на Цзи Хана. Его лицо было непроницаемо.

Прибывшие полицейские, оценив обстановку, поняли, что это дело не для них, и связались со специальным отделом.

Сян Цин смотрела на свой разрушенный дом и только сейчас осознала, в какую историю

вляпалась. Если бы Чу Вэй не разгадал её проблему, на полу сейчас могла бы лежать она.

Хуа Жун, взяв Чу Вэя на руки, покинул место происшествия, оставив всё на полицию.

Чу Вэй погрузился в долгий сон. Это было эхо поиска души. Он видел то же, что и Цзи Хан, переживал то же, что и он.

Тёмная клетка, в которой сидело множество людей. Они были похожи на скот, ожидающий забоя, на их лицах застыло выражение безнадёжности.

Здесь не было света, а тишина была гнетущей, как в самой преисподней.

Картинка сменилась. Кровавый пруд, в котором бурлила кровь. В центре пруда рос цветок, белоснежный цветок. Кровь постепенно окрашивала его в алый цвет.

Снова смена картинки. Маленькая комната, в которой были связаны девушки, всем им было лет по восемнадцать-девятнадцать.

На их лицах застыл ужас, их крики и вопли тонули в тишине.

Чу Вэй метался во сне. Он чувствовал эмоции Цзи Хана.

Тёмные, порочные, наслаждение убийством.

— Вэйвэй, проснись.

— Чу Вэй, очнись.

Чу Вэй резко открыл глаза. Перед ним был белый потолок.

Знакомый запах... Он повернул голову. Это была его спальня, а у кровати сидел Хуа Жун.

Чу Вэй снова закрыл глаза, вытирая пот со лба.

— Я видел тех девушек, — хрипло произнёс он. — Тех, чьей кровью он питал проклятие. Им было всего по восемнадцать-девятнадцать лет, ненамного старше меня.

— Этот демон, Цзи Хан... он не убивал их. Он выпускал из них кровь, каждый день понемногу, пока они не умирали.

— Это так жестоко... Как может существовать такой человек?

Чу Вэй был не в себе. Эмоции Цзи Хана всё ещё бушевали в нём. Они смешались с его собственными, и он чувствовал себя потерянным.

В этот момент он оказался в объятиях, пахнущих травами.

Он услышал тихий голос:

— Ты — не Цзи Хан. Ты уже вышел из его воспоминаний. Вэйвэй, не думай об этом.

— Слушайся, поспи немного. Проснёшься — и всё пройдёт.

Хуа Жун обнимал его, и с кончиков его пальцев, лежавших на спине Чу Вэя, сходила лёгкая духовная энергия, медленно вливаясь в его тело.

Прижавшись к Хуа Жуну, Чу Вэй постепенно заснул.

На этот раз в его сне не было ни тьмы, ни убийств. Он был светлым и спокойным.

Когда Чу Вэй уснул, Хуа Жун аккуратно укрыл его одеялом и тихо вышел из комнаты.

Однако, оказавшись за дверью, его лицо, обычно выглядевшее болезненно-красивым, стало холодным как лёд.

Он прикрепил к двери Чу Вэя «Талисман спокойного сна» и, развернувшись, покинул дом.

Это он недоглядел. Он и подумать не мог, что этот мальчишка окажется таким смелым и применит технику поиска души.

Поиск души называли тёмной техникой не только потому, что она была мучительна для жертвы. Тот, кто её применял, страдал не меньше.

Он не только видел воспоминания жертвы, но и впитывал её эмоции, вступая с ней в резонанс.

После этого у него могли начаться галлюцинации, он мог перестать отличать себя от жертвы, мог принять себя за другого человека.

Хуа Жун злился на себя за невнимательность. Он и не предполагал, что Чу Вэй настолько талантлив. Он лишь раз упомянул о поиске души, а тот запомнил и так безрассудно применил

эту технику.

Непонятно было, хвалить ли его за сообразительность или ругать за безрассудство.

Хуа Жун торопливо вышел из дома, сел в машину и уехал. Ему нужно было разобраться с этим делом.

Когда Чу Вэй снова проснулся, вокруг было темно. Наверное, была глубокая ночь.

Он медленно открыл глаза и, привыкнув к темноте, встал.

Темнота не была для него преградой, и включать свет не было нужды.

Чу Вэй вышел из комнаты.

Ему хотелось есть и пить.

Будить прислугу в такое время было неудобно, поэтому он сам пробрался на кухню и заглянул в холодильник.

В холодильнике были только овощи, ничего, что можно было бы съесть сразу.

Чу Вэй чувствовал себя странно, но не мог понять, что именно не так.

Казалось, что-то управляет его телом, но ведь все эти действия совершал он сам.

Что с ним происходит?

В темноте в его голове снова пронеслись чужие воспоминания.

Заклочённые люди, связанные девушки.

Тёмные, жестокие, кровавые картины одна за другой проносились в его сознании.

Это было невыносимо.

Чу Вэй, схватившись за голову, сел на корточки.

— Сосредоточься. Забудь обо всём. Чу Вэй, помнишь, что говорил тебе учитель?

Рядом раздался знакомый голос.

Чу Вэй поднял голову и увидел своего учителя, которого не видел уже давно.

— Учитель! — радостно воскликнул он.

С появлением учителя ему, казалось, стало легче.

Он огляделся, не понимая, как здесь оказался.

— Учитель, что со мной?

Чу Вэй осмотрел свои руки, но не заметил никаких изменений.

Но на мгновение ему показалось, что он — это не он, и его действия ему не принадлежат.

При упоминании об этом лицо учителя помрачнело.

— Ты совсем осмелел, раз решился применить поиск души. Я разве не говорил тебе, что это Запретное проклятие и использовать его нужно с крайней осторожностью?

Чу Вэй, потирая нос, виновато опустил голову.

— Я был неправ, учитель.

Хуа Жун был не дома, но он и представить не мог, что его маленький ученик проснётся среди ночи.

Всё произошло так, как он и предполагал. Поиск души повлиял на Чу Вэя, и у него начались галлюцинации, которых он сам не осознавал. Разбудить его можно было только извне.

Глядя на юношу, он не мог вымолвить ни слова упрёка. Лишь жалость переполняла его.

Последствия поиска души могли длиться несколько дней.

Чу Вэй, кажется, понял, что с ним происходит. Он осознал, что поступил опрометчиво. Подумай он хоть немного, не стал бы прибегать к этой технике.

Хуа Жун протянул руку и, используя духовную энергию, на расстоянии погладил его по голове.

— Возвращайся спать. Если не можешь уснуть, медитируй. Через пару дней всё пройдет.

Чу Вэй послушно кивнул.

Из-за последствий поиска души у него не только болела голова, но и ломило всё тело.

Он вернулся в свою комнату. Учитель исчез.

Скрестив ноги, он, как учил учитель, начал читать про себя «Сутру чистого сердца» и медитировать.

Но что-то не давало ему покоя.

Почему учитель ничуть не удивился, что он здесь? И почему он, казалось, всё знает?

Неужели учитель тоже был там? Но почему он его не почувствовал?

В голове Чу Вэя роились вопросы.

<http://bllate.org/book/16969/1587697>